

Владимир Иванович Даль

Сухая беда

Владимир Иванович Даль

Сухая беда

После скучного зимнего переезда прибыл я в чувашскую деревеньку, где приходилось ночевать. Избушки, казалось, вросли в землю; их так занесло сугробами снега, что проезжие, без малейшего преувеличения, глядели с дороги в крестьянские дворы как с горы в пропасть и легко могли бы вывалиться из саней, через тын или кровлю на такой крестьянский двор. Дым валил из труб тут и там из-под снега, и я невольно припоминал сказочные предания о затопленных деревнях с церквами.

Меня привезли, по указанию, в лучшую избу. Кому случалось гостить у чуваш, тот знает, что такое лучшая чувашская изба: это курная русская избенка, во всех отношениях худшая из дурных. Хозяин хотел мне подать так называемого квасу, пошел его искать под лавкой, достал оттуда деревянную чашку и подал ее мне: я ему указал на плававшую в квасу мертвую мышь; он взглянул, выкинул ее пальцами под лавку, поставил чашку к стороне и пошел, чтобы мне зачерпнуть квасу в другую посудину. "Не трудись,-- сказал я ему, -- не надо; да скажи, пожалуй, для чего же ты

не выплеснешь из чашки этот квас? Нешто ты станешь его пить?" "Ничего,— отвечал он,— слепая отец на печи есть, она выпьет".

Мне хотелось есть и пить, и я, по обыкновению путников, потребовал молока или яиц. Последние хоть тем хороши, что их нельзя опоганить. Хозяин сказал что-то хозяйке, почесался, подумал и объявил, что молока и яиц нет. Я не хотел верить, чтобы в деревне нельзя было достать того или другого, и потому настаивал, хозяин уверял, что скотина пала еще с осени, а курицы давно перевелись от постоев. После долгих настояний и уговоров он объявил, что у одного только мужика есть дойная корова, прочие все отказались после чумы, но что он сомневается, можно ли будет достать у этого мужика молока, и прибавил, когда уже выходил из избы: "Нам туда нельзя ходить". Хозяйка не могла или не хотела мне объяснить этого выражения, и я поневоле выждал возвращения хозяина с каким-то парнем: его пошли, сказал мне первый. Я дал ему денег и наконец завладел кринкою молока. Наевшись и закурив трубку, я разговорился с хозяином, поподчивал его табаком и, вспом-

нив слова его, спросил объяснения, почему де вам нельзя туда ходить? Он улыбался, почесывался, молвил что-то хозяйке, которая засмеялась, и на повторенный вопрос мой отвечал только: "Так, что нельзя, мы вишь не друг". Это еще более завлекло мое любопытство, и я не отстал от чувашина, покуда он мне не рассказал, в чем дело.

Есть народы, например китайцы и японцы, у которых самоубийство нипочем; трус по себе, китаец или японец, однако же, будучи по своим понятиям обещан, поруган, считает долгом вспороть себе брюхо. Уверяют даже, что они делают это иногда, вместо поединка, назло друг другу: если обиженный распорет себе живот, объявив при том имя своего обидчика, то этот обязан последовать его примеру: таков обычай, а обычай сильнее закона. Нечто похожее встречается у чуваш, хотя, может быть, не в той мере и не в таком общем распространении.

Чулка, отец того хозяина, у которого взято было теперь молоко, был негодяй и воришка. Попавшись раз на воровстве у Ярмука, у отца моего хозяина, Чулка поплатился зубом, кото-

рый выбил ему Ярмук пестом. Зол был Чулка на это, потому что люди не давали ему проходу, указывая на выбитый резец; но делать нечего: виноватый молчит, и Чулка также молчал. В отместку за зуб свой он решился наказать Ярмука, украв у него лошадь. И тут бог его попутал: он попался с лошадьёю, и поймал его опять сам хозяин, Ярмук, но на сей раз уже не удовольствовался тем, что отмял ему вволю бока, а связал его и представил начальству. Чулка убедительно отпрашивался, клялся, что больше у него воровать не станет, но Ярмук не хотел, видно, вводить его в искушение и требовал расправы. Тогда Чулка поклялся отомстить ему с такой злобой, что и Ярмук испугался было проклятий его и потому скрутил ему руки потуже, дал еще две заушины и тотчас же повез на своей подводе, со старостой или сотским в город.

Дело длилось, по обыкновению, но наконец решено было тем, чтобы наказать Чулка при полиции, отдать его на поруки и оставить под присмотром. Приговор исполнили; но, по беспорядку, позабыли записать исполнение в журнал и донести об этом куда следо-

вало; через месяц, по случаю пересмотра ведомости нерешенным делам, полиции сделано было подтверждение, чтобы наказать арестанта Чулка и оставить его на месте жительства под присмотром. Чулка вытребовали, посекли и отпустили. Проходит еще месяц; полиции насылают грозное приказание исполнить приговор немедленно и донести. Тут уже подавно разбирать было некогда: Чулка в третий раз потянули, выместили на нем выговор этот и неисправность пьяного секретаря или письмоводителя и наконец уже в этот раз донесли об исполнении и пометили дело конченным.

Воротившись домой, Чулка был так зол, что лез на стену; если бы он был не чувашин, то, конечно, посягнул бы на убийство своего заклятого врага, Ярмука; но чувашин этого не сделает, и Чулка распорядился иначе; выждав ночь, он пошел и удавился на воротах Ярмука. Со светом баба сунулась было из избы с ведрами по воду -- и ахнула, кинувшись опрометью назад. Хозяин выскочил и стоял столбняком. Он был не японец и потому вовсе не обязывался вспороть себе в честь повешенно-

го соседа брюхо или последовать его примеру и удавиться; но Ярмуку грозила беда другого рода, которая иногда стоит петли и веревки: суд наедет со следствием и со всеми принадлежностями к нему и неминуемыми последствиями...

С этих пор между семействами Ярмука и Чулка основалась вековая вражда и ненависть, хотя один из этих родоначальников, как мы слышали, 20 лет назад удавился, а другой волею божиею сам собою скончался. Вражда эта простиралась до того, что никто из семьи Ярмука не ходил в дом Чулка, и обратно, почему хозяин мой и не хотел или не смел идти туда за молоком.

Такой висельник известен у нас в народе под названием сухой беды; и, говорят, поныне еще чувашаи в злобе своей грозят иногда друг другу тем, что сулят на двор сухую беду, т. е. обещают один у другого на дворе удавиться.

КОММЕНТАРИИ

При составлении настоящего сборника

принималось во внимание то, что современный читатель имел до сих пор очень ограниченное представление о прозе В. И. Даля. В XX веке вышло лишь два сборника его художественных произведений -- "Повести. Рассказы. Очерки. Сказки" (М.--Л., 1961; переиздано с некоторыми сокращениями: Горький, 1981) и "Повести и рассказы" (Уфа, 1981). Вполне естественно, что за рамками этих двух изданий остались многие произведения писателя, представляющие несомненный интерес.

Настоящий сборник является попыткой познакомить современного читателя с некоторыми из них. Представленные здесь повести и рассказы в советское время не переиздавались.

Как правило, все свои художественные произведения Даль публиковал в журналах и альманахах. В то же время писатель составлял сборники своей прозы, а затем подготавливал и издание собрания сочинений. В 1833-1839 гг. вышло четыре книги сборника "Были и небылицы Казака Луганского". В 1846 г. напечатано собрание сочинений в четырех частях -- "Повести, сказки и рассказы Казака Лу-

ганского" (на шмуцтитуле указывалось: "Полное собрание сочинений русских авторов"). Появляются сборники "Солдатские досуги" (1843) и "Матросские досуги" (1853). В 1861 г. М. О. Вольф осуществил издание "Сочинений" В. И. Даля в 8-ми томах (с указанием: "Новое полное издание"). При жизни Даля это было последнее собрание его сочинений. Переиздано оно в 1883--1884 гг. "Товариществом М. О. Вольф". Наконец в 1897--1898 гг. то же издательство выпустило десяти томное "Полное собрание сочинений Вл. Даля (Казака Луганского). 1-е посмертное полное издание, сверенное и вновь просмотренное по рукописям, как "Бесплатное ежемесячное приложение к журналу "Новь".

Для настоящего издания была осуществлена научная подготовка текстов. За основу принималось последнее прижизненное издание. Текст его сверялся с предшествующими публикациями, а когда это было возможно, с авторскими рукописями. В тексты вносились обоснованные исправления. Особенности поэтики Даля, его стремление воспроизводить с большой точностью в своих произведениях

живую речь современников заставили при приведении текстов в соответствие с современными орфографическими нормами сохранять во многих случаях авторское написание, дающее представление о речевой атмосфере эпохи.

Сохранены все подстрочные примечания автора. Остальные пояснения и комментарии подготовлены впервые. Сборник открывается самым значительным из публикуемых сочинений -- повестью "Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета", далее произведения следуют в хронологическом порядке.

Рассказ принадлежит к циклу "Картины русского быта". Впервые опубликован в журнале "Отечественные записки" (1848, т. 56, No 2). Перепечатывался в собраниях сочинений В. И. Даля 1861 (т. I), 1883 (т. III) и 1897 (т. V) гг. Нарисованная Далем картина быта чувашской деревни безусловно правдива -- в его времена чувашаи являлись одной из самых отсталых национальностей Российской империи. Великая Октябрьская социалистическая

революция коренным образом переменяла их жизнь, открыв широкие возможности для роста национальной культуры. Современный исследователь заключает: "Рассказывая об этой весьма грустной истории, Даль осуждает халатность, бюрократическое отношение чиновников к своим служебным обязанностям, по вине которых в чувашских деревнях происходили страшные трагедии". (Е. В. Владимиров. Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959, с. 107).

Стр. 350. *Пест* -- короткий тяжелый стержень с округлым концом для толчения, дробления чего-нибудь (обычно в ступе).

Сотский -- см. примеч. к стр. 309.